

История засорена обломками государств, которые пытались совместить различные этнические, лингвистические либо религиозные группы в пределах одной верховной власти.

Артур Шлезингер-младший

Нация и Государство – вот коренной вопрос, который в первую очередь встаёт в раздумьях о византийском опыте. Сама история поставила поистине бесценный эксперимент длиной в тысячу лет, призванный его разрешить.

Но, собственно, в чём данный вопрос состоит?

Я хочу предложить его в такой постановке, которая больше всего должна бы волновать русское общество после распада Советского Союза. А именно: сохранимся ли мы, русские, как нация, сохранив при этом своё государство? Не повторим ли мы злую и печальную историю ромеев, потерявших и государство, и судьбу? Отжили ли мы уже как этнос отмеренный нам исторический век и готовимся сойти со сцены или у нас есть ещё шанс продлить своё существование, не попав притом под чуждое владычество так, как это произошло со многими народами Византийской империи?

Историк и историософ Лев Гумилёв полагал, будто весь процесс от зарождения до гибели этноса (он называл почему-то этот процесс этногенезом) занимает в среднем 1200–1400 лет. Этот период он объявил нормой. Однако, присмотревшись, мы легко убедимся, что на самом деле судьбы народов гораздо более разнообразны и часто не укладываются в приведённую схему.

Прежде всего, обращают на себя внимание этносы, мелькнувшие, как метеор, по небосклону истории и мгновенно погасшие, этносы-эфемериды, этносы-однодневки (по историческим меркам, разумеется, то есть жившие, в лучшем случае, несколько столетий). Но с другой стороны, мы можем наблюдать этносы, чей срок жизни в несколько раз длиннее того периода “этногенеза”, что отпустил им Гумилёв. Принимая эти факты к рассмотрению, мы должны, конечно, иметь в виду, что этнос, вопреки учению Гумилёва, это не поведенческий стереотип, а биологическое сообщество, связанное общим происхождением, имеющее общую генетику и общую “семейную историю”.

Гибель этноса, совершающаяся подчас очень быстро, на памяти одного поколения (так погибли, например, хазары, или могикиане, или тасманийцы), не бывает случайной, она, как правило, есть следствие накопившихся этно-

политических ошибок. Неважно, сознательно они совершались или нет. Эти ошибки порой настолько наглядны и разительны, что мы вправе говорить в таких случаях об этносах-самоубийцах, добровольно устремившихся навстречу собственной гибели.

Против, есть этносы, чьё историческое существование исчисляется многими тысячелетиями (к примеру, китайцы, индоарии, евреи, древние египтяне), хотя и они порой вставали на грань жизни и смерти и подвергались угрозе исчезновения. Мы вправе предположить, что некогда эти этносы-долгожители сумели нащупать во тьме грядущего верный путь, сумели разгадать секреты выживания. Сумели открыть, быть может, стихийно законы науки этнополитики. Наградой за что и стала исключительно долгая жизнь, устремлённая в будущее.

Что же будет с нами, с русскими?

Весь XX век русскую нацию ломали, поработали и уничтожали разные народы, используя при этом, увы, огромную социальную энергию восставших русских масс, отдавших предпочтение классовой солидарности перед солидарностью национальной. Результат вполне закономерен: утратив и пока не восстановив свою элиту, мы стоим на пороге вымирания и деградации.

Мы, русские, находимся сейчас в положении неустойчивого равновесия, пройдя в истории путь не короткий и не длинный — как раз такой, чтобы либо умереть, исчезнуть, либо учесть чужой и свой опыт, составить верный рецепт выживания и долгожительства и жить дальше. Разделим мы участь хазар или аваров (это их наши летописи ставят в отрицательный пример: “погибоша, аки обре”) или сумеем, в очередной раз переловившись, продлить нашу историю ещё на пару-тройку тысячелетий — вот вопрос сродни гамлетовскому “быть или не быть?”

Хочется верить, что мы ответим: “Быть!”

Но мало просто ответить. Надо приложить усилия в нужном направлении, чтобы утвердить этот ответ в реальности. А для этого надо знать, где оно, это направление. Необходимо хотя бы краткая летопись роковых этнополитических ошибок и гениальных этнополитических достижений.

В этой летописи Византии принадлежит особое место ввиду того, что Россию многие считают преемницей империи ромеев. Находятся и такие, что ставят нам эту империю в пример, считают её вечным образцом для подражания.

Я стою на позициях прямо противоположных. А почему — постараюсь объяснить.

Для этого необходимо погрузиться в историю. И постичь, как и почему возникла, жила и погибла Византия.

Что Второй Рим унаследовал от Первого

*Свободой Рим возрос,
а рабством погублён.*

А. С. Пушкин

Очень важно понять: никто и никогда специально не создавал Византию. Это лишь обрубок сгнившей Римской империи. Когда Рим уже шёл ко дну, Восточная Римская империя (именно её мы традиционно называем Византией) отделилась от него и потому спаслась. Это был способ уцелеть, сохранить старое, а вовсе не создать новое. Хотя в дальнейшем не прекращались попытки создать это новое, но ничего прочного так и не получилось: империю всё время трясло, как в лихорадке, а спасало (до поры) каждый раз какое-нибудь чудо — счастлирое стечение обстоятельств.

Будучи относительно богатой и удачливой страной, Византия протянула, догнавая, более тысячи лет, но весь этот срок её терзали внешние нашествия и внутренние неурядицы. Она то распадалась, то вновь собиралась, всё сокращаясь в границах и возможностях, лишь временами отнимая у ещё более слабой Западной империи части её имения, но затем опять их теряя, пока не потеряла всё без остатка, включая столицу и имя.

Тысяча лет агонии — так и только так следует характеризовать её бытие.

О какой гнилости говорю я, ручаясь за столь суровый приговор? Какие болезни получил Второй Рим в наследство от Первого?

Если говорить упрощенно, Византия унаследовала общество, лишённое естественной иерархии, национальной и социальной. И ещё усугубила в своём кратком существовании оба эти недостатка.

Рим периода республики был иерархичным. “Сенат и народ правят Римом” — в этом слогане было отражено мудрое государственное устройство. Аристократическая олигархия (элита) вела страну по пути побед и успехов, а единокровный ей, плоть от плоти, народ имел твёрдые гарантии того, что она обеспечивает этот путь и благо народа. Относительно небольшое количество рабов обслуживало все слои общества.

Мину под это правильное устройство подложило рабовладение, неуклонно расширявшееся вследствие военных побед и изменявшее социальные и национальные пропорции государства. Абсолютное большинство рабов были инородцами, представителями этносов, побеждённых римским оружием.

Уже в I в. н. э. вольноотпущенников в Риме было так много, что Тацит заметил: “Если обособить вольноотпущенников, то станет очевидной малочисленность свободнорождённых” (Анналы, XIII, 27). Императоры, ведя вечную борьбу с аристократией, охотно опирались на этот слой, национально, как правило, чуждый и даже враждебный (представители побеждённых и поработанных народов, как-никак!) римскому этносу. В этой борьбе императоры находили союзника и в римских плебейях. Недаром, когда после убийства Калигулы Сенат хотел восстановить республику, именно римский народ не позволил этого сделать. Ведь народу всё равно, люди какой этничности заправляют делами в государстве и “угнетают” его: пролетарии не имеют не только Отечества, как заметил Маркс, но и национальности. Лишь бы не своя родная, хорошо знакомая и ненавидимая всей душой аристократия! Вот как смотрели на дело простые римляне.

Впрочем, что такое были к тому времени “простые римляне”?

Как известно, до Гая Мария, полководца “из простых”, римского гражданства не имели не только иноплеменные представители побеждённых народов, но даже италийки, за исключением собственно римлян — коренных жителей Лациума. Благодаря чему римляне и оставались римлянами и могли вести осмысленную внутреннюю и внешнюю политику, подчинённую истинно национальным интересам.

Все подданные империи, вполне понятно, стремились к обретению римского гражданства и даже готовы были воевать за это. И первая гражданская война в Риме произошла именно из-за этой проблемы. Рвавшийся к диктаторской власти Марий, решив опереться на жаждавших полноправия италийков, щедро подарил им римское гражданство, чем, собственно, и вызвал гражданскую войну, поскольку Рим восстал против этого самоуправства, не желая делиться своим исключительным положением. С огромными обоюдными человеческими потерями разгромив популиста и приняв от Сената полномочия диктатора, аристократ Корнелий Сулла не решился, однако, отобрать у италийков раз подаренные им права, понимая, что в этом случае он не закончит гражданскую войну никогда. Так был дан необратимый ход истории Рима в дурном направлении. Гибель Римской республики была предрешена.

Кто такие были теперь римляне? Этническое наполнение этого слова-символа непотопливо изменилось и продолжало изменяться всё сильнее с каждым десятилетием, особенно с установлением власти императоров, для которых национальная принадлежность их подданных не имела принципиального значения, как им казалось, в отличие от их количества.

Юлий Цезарь и Октавиан Август ещё мыслили и вели себя как римляне, но очень скоро всё изменилось. Преемник Калигулы Клавдий I, умерший в 54 году, охотно предоставлял права римского гражданства уже не италийкам, но вообще любым иноплеменникам, в частности, грекам и варварам, за что его клеймил в стихах Сенека. Но голос философа был бессилён что-либо изменить. При его воспитанике Нероне, умершем в 68 году, в Риме чужеземцев уже было больше, чем коренных римлян, и Сенеке оставалось лишь сетовать: “Взгляни на многочисленное население, которое едва помещается в зданиях этого громадного города; большая часть этой толпы не имеет отечества, а собралась эти люди сюда из разных мест и вообще со всего света” (Утешительное письмо к Гельвеции, 6, 2).

Процесс шёл крещендо. Вскоре он затронул уже не только плебейские, но и аристократические круги римского общества: Веспасиан в 73 году ввёл

в состав Сената и всадничества жителей Италии и провинций. Во время правления Антонинов от Траяна до Коммода (91–192) “для провинциалов широко распахнулись двери Рима” — пишет Елена Фёдорова, автор книги “Императорский Рим в лицах”. Адриан стал брать в легионы не только римских граждан, но и жителей провинций, чем способствовал варваризации армии. Наконец, в 212 году император Каракалла (сам полусириец-полуфиникиянин, убивший собственного брата Гету и свою жену) издал эдикт, которым права римского гражданства получило практически всё свободное население Римской империи.

Пали последние рубежи, произошёл качественный скачок, сменился — ни много ни мало — субъект истории. На смену бывшей римской нации времён республики пришло римское согражданство.

Рим окончательно перестал быть Римом, а римляне — римлянами. Римом стало некому гордиться, Рим стало некому любить, некому защищать, ведь вся эта масса “римских граждан”, за исключением уже немногочисленных и не сохранивших свою породу потомков жителей Лациума, была связана с гордым именем лишь номинально. Для абсолютного большинства подданных Рим ассоциировался с насилием, войной, угнетением, с вековой борьбой их собственных этносов *против* Рима... Что же им было любить, защищать, чем гордиться? Попользоваться благами римского гражданства — это за милую душу, но умирать за Рим?!

Одновременно с размытием этнической основы Рима, закономерно шла его культурная деградация. Это коснулось главного: веры, языка, искусства.

В столице ойкумены утвердилось множество иноземных культов, особенно восточных, так что в IV в. Рим заслужил имя “Храм всего мира” (Аммиан Марцеллин, XVII, 4, 13). Но историк Тацит дал этому более жесткую и верную характеристику: “... в Риме, куда отовсюду стекается всё наиболее гнусное и негодное и где оно находит приверженцев” (Анналы, XV, 44). В условиях бесконтрольного наплыва инородцев истинным римлянам было невозможно сберечь религию отцов — признак скорой исторической гибели.

Последние великие произведения римской литературы относятся к рубежу нашей эры; это неудивительно, поскольку вскоре латынь перестала быть национальным языком истинных римлян. Этот язык умер заживо, он перестал жить живой жизнью породившего его народа, превратившись в чисто служебное средство межнационального общения. Из латыни, образно говоря, вынули душу (то же самое сегодня происходит с русским языком, так что много объяснять здесь не приходится).

Хуже того. Как подметил Г. Кнабе в монографии “Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима”, в памятниках III в. встречаются документы, составленные на языках давно покорённых и, казалось бы, полностью романизованных племён, которые спустя века вновь стали предпочитать язык предков имперскому языку. Можно по одному этому факту судить о том, насколько ослаб римский этнос!

В этнически смешанном обществе сам собою выродился художественный вкус, а с ним зримо упало великое античное искусство архитектуры и скульптуры, особенно скульптурного портрета, в нём начинают доминировать явно дегенеративные типы... Но разве скульпторы виноваты в том, что, начиная с Валентиниана III, портреты римских императоров напоминают тупые морды бандитов с низкими лобиками, мощными челюстями и жёсткими складками губ?

Слом национальной, этнической иерархии сопровождался в императорском Риме доламыванием социальных перегородок. Процесс затронул и сам институт императоров, в результате чего на римском троне стали возникать фигуры, чуждые традиционному римскому обществу. Попросту сказать, инородцы и маргиналы.

Первый неримлянин во главе империи — император Траян — родился не в Риме, а в городе Италика в Испании. Но с ним Риму, можно сказать, ещё повезло. Траяну довелось бороться с поднявшимися варварами (впервые после Карфагена и Митридата); он разгромил даков и парфян, усмирил Месопотамию и Армению. Однако успех был непрочен. Траян умер в ходе волнений в Вавилонии, Месопотамии, Сирии, Палестине, Египте, Кирене, на Кипре и в Парфии. Его преемнику Адриану пришлось отпустить с миром Парфию и Армению, снять дань с Месопотамии.

Впрочем, могли ли императоры-неримляне (Адриан, кстати, первый император, на греческий образец не бривший бороду, не зря в юности его прозыва-

ли “гречонком”), оспаривавшиеся на неримское “римское” население, противостоять возросшей активности вражеского варварского мира? Что для них был Рим? Римские интересы? Пусть на эти вопросы читатель ответит себе сам, ознакомившись с кратким перечнем этно-социальных девиантов в императорском звании.

Убив в 193-м году Пертинакса, преторианцы впервые выставили императорский трон на торги. Началась междоусобица. Дидий Юлиан (купивший трон богач) был убит, и власть захватил Септимий Север, родом ливиец. Он на всю жизнь сохранил африканский акцент (его сестра так и не выучила латынь). Римляне считали его варваром. Его жена – финикиянка Юлия Домна – родила чудовище: Каракаллу. Он был “первым римским императором, на которого легла печать явной варваризации” (Е. Фёдорова). Он водился с германцами, подражая им в одежде, и даже надевал парик блондина, расчёсанный по-германски, но при этом поклонялся богине Изиде. Его убил и наследовал трон Макрин – бывший раб, варвар и простой воин. Рим неостановимо катился в пропасть. На смену Макрину пришёл внучатый племянник Юлии Домны из Финикии, жрец финикийского бога солнца Гелиогабал. Это был человек дегенеративного вида, он носил варварскую пышную одежду, золотые украшения, плясал перед алтарём с финикиянками, а римская знать безучастно смотрела на это, как на спектакль в театре.

Это, конечно, уже был не Рим. Но что-то ещё теплилось: Гелиогабала убили, тело выбросили в Тибр, а Сенат запретил память о нём.

Не помогло. Хотя в марте 235 года династия Северов, открывшая варварам путь к римскому престолу, сошла с арены истории, но на трон тут же сел Максимиан Фракийец, пастух, воин-силач, “подлинный варвар” без всякого интеллекта. После его убийства на трон претендовал Канелиан, опиравшийся на мавров и карфагенян. В 244 году на трон вступил Филипп Араб (как характерны эти прозвища-этнонимы!), при котором Рим отметил в 247 году своё 1000-летие.

Это знаменательно: путь империи к закату зримо выразился в данном факте. Власть варваров над мировой державой становилась все возможнее и неизбежнее.

Не стало Центра, не стало государствообразующего этноса – римлян. Некому и незачем стало все держать, сопротивляться разложению и внешней экспансии*. “К IV веку большинство римлян уже разучилось уважать достойные деяния предков” (Е. Фёдорова). Ничего удивительного: это были уже не их предки. Невероятно, но факт: когда в 410 году Рим пал после третьей осады Алариха, это событие не нашло достойного отражения в литературе. Всем уже было всё равно, “новые римляне” уже не видели особой разницы между собою и варварским миром и готовы были слиться с ним в одно целое. Что и произошло в 476 году, когда варвар из племени скиров Одоакр во главе пёстрой смеси племён овладел Римом, но не ушёл, разграбив его, а остался править Италией...

Такого финала следовало ожидать, ибо ещё при Галлиене (260–268) империя стала сама собой разваливаться на куски: власть над Востоком захватил Оденат, в Греции объявил себя императором Валент, восточное побережье Адриатики оказалось под властью Авреола, Египет захватил Эмилиан, а Галлия провозгласила императором Постума. Удивляться тут нечему. Пока Галлиен развлекался, при нём за восемь лет сменилось 30 (!) тиранов: “Эти люди, набросившиеся на императорскую власть из разных частей мира, были настолько малоизвестны, что даже учёнейшие мужи не смогли ни много разузнать, ни поведать о них” (Авторы жизнеописаний августов, Тридцать тиранов, I). Галлиен был убит в 268 году, на его место сел иллириец Клавдий II. Аврелиан (270–275) ненадолго восстановил единство империи оружием, но при этом, вослед Гелиогабалу, возвысил культ единого бога солнца...

Все они правили недолго, никто не протянул и десяти лет. Наконец, в 284 году сын вольноотпущенника, иллириец или далматинец Диокл стал Диоклетианом. Он правил 20 лет, заимствовав восточные обычаи, требуя повиновения себе, как богу и господину. Отчасти эту роль с ним делил его зять и соправитель-цезарь Галерий. Именно при Диоклетиане произошёл раздел на Западную и Восточную Римскую империи, что послужило началом феномена Византии.

* Со временем распад, разложение и многовековое запустение некогда великой страны, потерявшей своего создателя и хозяина, привели даже к появлению диких волков в папских садах Ватикана (XV век).

Итак, Византизм породил Рим, а делили — урвали для себя — августы-правители, чем спасли её от участи Западной империи. В борьбе с готами и гуннами (основной опасностью того времени) Восточная империя поплатилась лишь временными потерями. Но при этом Византия — Второй Рим — унаследовала, впитала в себя всё, чем был гунсен Первый Рим эпохи упадка. Из этого упадка она и произрастала, с него началась.

Без хозяина

...Всяк сущий в ней язык...

А.С. Пушкин

Никакой “византийской нации” не было никогда. Было византийское согражданство. И была страна, разноплеменным согражданам которой временно было выгоднее и безопаснее жить вместе, чем порознь. Они платили огромные налоги (а куда денешься?), содержа наёмные войска и откупаясь золотом и шелками* от нашествий врагов.

Какой народ создал эту страну, Византию? Такого народа не было и нет.

Византия доживала и дожёвывала остатки двух великих империй. Во-первых, Александра Македонского, породившей некогда феномен “эллинизма” на этих территориях, а во-вторых — непосредственно Римской, о чём сказано выше. Но к моменту, когда Византия начала самостоятельный путь в истории, ни эллинов, ни римлян в их настоящем значении уже давно не существовало. Словом “эллины”, кстати, в христианской Византии было принято обозначать язычников.

Какие же скрепы удерживали эту страну от распада в течение тысячи лет? Среди них мы не найдём главной — единого государствообразующего народа. Византия изначально не имела этнического стержня. Нам иногда подсказывают: это, мол, были греки. Но это неправда. Греки занимали лишь небольшой сегмент в народонаселении Византии и никогда, покорённые и порабощённые римлянами ещё в 146 году до н. э., даже не пытались её создавать. Они только научились в ней выживать, используя центральное положение в географии страны и прикрываясь со всех сторон другими народами, но не более того.

Даже и сам-то изначальный Византий, мегарская колония, не был цельно-греческим. При его основании (около 658 г. до н. э.) коренное население (аргосские пеласги) было недорийским и вело распри с колонизаторами — дорийской аристократией. Затем из Египта явились лелеги, потом добавились ионяне. .. Покорённые дорийцами, они все попали под власть Коринфа, но со временем Мегара отделилась и Византий зажил независимой жизнью.

Достаточно взглянуть на карту этносов “Большой Византии” IV–V вв., чтобы убедиться в том, что так называемые “греки” занимают весьма малую часть этого лоскутного одеяла. Правда, в этой части находилась столица империи — Константинополь, но и её население было этнически неоднородным. А всего в Ромейской империи (так она себя называла) компактно проживали, не поленись перечислить только крупные народы, даки, фракийцы, иллирийцы, македонцы, греки, лидийцы, фригийцы, исавры, галаты, армяне, арамеи, сирийцы, арабы, ливийцы, евреи и копты. Конкуренция за власть и влияние, за роль государствообразующего этноса между многими из них была постоянной. Конкуренция не была здоровой, она не укрепляла, а, наоборот, расшатывала страну. Различия в быту, морали, культуре и т. п. между этническими регионами были настолько велики, что существовали даже специальные кодексы для провинций (иудейской, персидской, греческой и т. д.) применительно к местному обычному праву.

В будущем к этим народам добавятся и иные: болгары (сложносоставной тюрко-славяно-фракийский этнос), готы, лангбарды, славяне и др., не считая малые племена, диаспоры и дисперсно проживающие этносы, имя коим легион. Вся эта пёстрая смесь именовала себя не греками и не эллинами, а только “ромеями” (“римлянами”), подчеркивая этим, что речь идёт не о нации, а о согражданстве.

* В VI в. при Юстиниане секрет шёлка стал казённой монополией, и главный мировой рынок этого продукта переместился в Константинополь. А шёлк стоил дорого: ещё в III в., к примеру, 1 фунт китайского шёлка уходил за 1 фунт золота.

В кругу византологов XIX века сложилось мнение о “византизме” как данности, выражающей некую духовную общность Второго Рима. Авторитетный специалист Ф. Успенский писал по этому поводу: “Как выражение политических, культурных и этнографических особенностей, характеризующих Восточную Римскую империю, византизм проявляется в следующих конкретных признаках: 1) в постепенной отмене господствовавшего латинского языка и замене его греческим; этот процесс начинается в VI в. и завершается в VII и VIII в.; 2) в борьбе национальностей из-за политического преобладания; эта борьба знаменуется появлением на престоле и в высшей военной и гражданской администрации представителей разных этнографических элементов, вошедших в состав империи; 3) в памятниках искусства; так, монеты с VII в. представляют новый тип в изображениях головы, указывающий на появление новой расы; 4) в литературной производительности, характеризующейся выработкою оригинального мировоззрения под влиянием эллинских и восточных философских идей, преобладанием мистики и узкого консерватизма; наконец, 5) в забвении преданий классического периода, на место которых выступают восточные, по преимуществу иранские”^{*}.

Но существовала ли на самом деле эта духовная общность, покрывавшая якобы собою имперское пространство? В этом приходится усомниться. Уже и в формулировке Успенского заложена мысль о противоречиях между эллинистическим, римским и различными восточными (еврейскими, персидскими, сирийскими, финикийскими, арабскими) влияниями, о политическом противостоянии византийских этносов. Эту мысль хочется конкретизировать.

Что правда, то правда: эллинистическая культура, ещё в IV веке до н. э. распространившаяся на этих землях с приходом Александра Македонского, служила некоторой общей основой для взаимопонимания названных народов. Римское согражданство добавило к этой основе также некоторое сознание общности. Но лишь до поры до времени. Как, впрочем, и остальные две скрепы империи: язык и христианская вера. Других скреп не было, да и эти были далеко не надёжны.

Для начала о языке. Обратим внимание на яркий и характерный факт: Византия вообще не дала образцов высокой литературы во всех основных её родах — поэзии, прозе и драматургии^{**}. Говоря о сколько-нибудь выдающихся памятниках византийской словесности, имеют в виду лишь житийную литературу, ораторское искусство, памятники юридической и исторической мысли, эпистолярное наследие. Но не собственно литературу, где особых достижений не отмечено. Точно так же, как и Рим, по сути, прекратил литературное творчество после Вергилия и Овидия.

Причина этого одна и та же. Латинский язык с течением времени потерял значение национального языка латиня и превратился в служебный язык межнационального общения множества народов Римской империи; точно то же случилось и с греческим. Да ведь он и не был изначально соприроден огромному большинству населения Восточной Римской империи, хотя и не совсем чужд благодаря походу Александра. Вытеснив (за долгие пятьсот лет!) совсем уж чужеродную латынь, греческий язык так и не стал, не мог стать родным для всех народов Византии. Один чужой язык сменился другим чужим языком, только и всего. А что же можно создать на служебном языке, который не является органическим порождением тела и души народа, который не связан тысячами незримых нитей с самыми глубинными его корнями? Только служебную же литературу, преследующую вполне практические, далёкие от чистого искусства цели. В многонациональном имперском сообществе по-другому и быть не могло.

Интересно, что латынь, преобразовавшись вначале в вульгарную латынь (язык межнационального общения почти всей Европы), в дальнейшем эволюционировала в пределах Италии и вернула-таки себе значение национального языка — итальянского для итальянцев, что немедленно дало себя знать в великолепных достижениях итальянской литературы уже в раннем Средневековье. Да и в других странах к моменту гибели Второго Рима уже существ-

* Ф. Успенский. Византия. — Энциклопедический словарь. Т. VI. Венеция — Винона. СПб, Брокгауз и Ефрон, 1892. С. 251–260.

** Ср.: “Византийская литература бедна жанрами, которые сейчас называются беллетристическими”. Полякова С. В. Из истории византийской любовной прозы. / Византийская любовная проза. М.-Л., “Наука”, 1965. С. 113.

вова Большая Литература на национальных языках. Но в Византии ничего подобного не произошло: здесь некого поставить в один ряд с Петраркой, Данте, Боккаччо, Чосером, Вийоном, куртуазной поэзией Прованса и Бургундии, Эразмом Роттердамским, Себастьяном Брандтом и др. Это красноречивое немоществование входит в общий счёт, по которому византийцы расплачивались за бремя империи.

Своеобразной реакцией собственно греческого этноса на присвоение его национального языка всем населением Византии и на низведение этого языка до уровня служебного явилось возникновение так называемых социолектов: по сути, двух разных греческих языков – языка простонародья (и инородцев) и языка рафинированной интеллигенции. Это разделение сопровождало постепенный переход от старогреческого к новогреческому языку и сохранилось до наших дней. Общеупотребительный, расхожий язык оказался отделён от языка образованных слоёв населения, нарушилось живое единство не только национального языка, но и народной души и судьбы греков. Литературное бесплодие – прямой результат этого уродливого явления. А оно, в свою очередь, прямая результат уродливого общественного устройства.

Так обстоит дело с языковой скрепой империи. Не лучше было и с религиозной: перипетии вероисповедного бытия Византии поистине драматичны, полны ужасных и отвратительных подробностей. “Великая христианская империя”, как нам её представляют, никогда не жила устойчивой, благополучной, уверенной в своей истинности духовной жизнью, но напротив, всё время содрогалась в конвульсиях борений, порой кровавых. Лично я всегда с сокрушением сердечным думаю о том, из каких недостойных рук мы получили светоч христианства.

Можно для примера вспомнить про чудовищный погром и зверства, которые иудеи учинили в 614 году христианам, воспользовавшись взятием Иерусалима войсками персидского шахиншаха Хосрова II. Ответный погром и выселение евреев из Иерусалима произошли после возвращения их в лоно Византии в 630 году (последовал и эдикт о насильственном крещении иудеев, увы, не последний).

Но и в самом Константинополе хватало поводов для распрей. Это касается как довольно длительного периода сосуществования христианства и язычества со спорадическими “одержаниями верха” то одним, то другим (чего стоит только тезис Юстиниана Великого: “Язычники не должно быть на земле!”), так и систематического возникновения поистине соблазнительных и сокрушительных толков и ересей. Моря крови и слёз пролились из-за таких вещей, как арианство, несторианство, павликианство*, монофизитство, богумильство, монофелитская уния** и др., включая страшные сто лет иконоборчества и разделение церквей в 1054 году. Понятное дело, все эти уродства и отклонения чётко и определённно базировались на почве национальных различий, находивших себе выход в различиях религиозных.

Измученное внутренними вероисповедными неурядицами византийское Православие, в конце концов, сдалось на милость победителя и согласилось на унию с Римской Церковью (Лионский собор 1274), просуществовав всего лишь двести двадцать лет после разделения церквей***... Сие, как заметил Успенский, не только не принесло “ожидаемых выгод, но напротив, сопровождалось прямым ущербом для империи”. Последние 180 лет своего существо-

* Многовековая борьба с павликианством при Василии Македоняине вылилась в настоящую гражданскую войну, когда василевс чуть не утратил власть над всей Малой Азией.

** Монофелитствующие василевсы немало позверствовали над православными. К примеру, старику Максиму Исповеднику отрезали язык и руку, были и массовые расправы. Монофелитство была осуждено при Константине Погонате на VI Вселенском соборе (680), но лишь тогда, когда приверженные унии местности уже перешли к арабам и уния потеряла смысл. Филиппик (Вардан) из знатного армянского рода анафематствовал решения VI Вселенского собора и провозгласил монофелитство государственной религией, но Армения к тому времени уже почти вся отложилась, и преемник Вардана пресёк его не имеющие перспектив инициативы.

*** Датировка церковного раскола условна: Византия никогда не признавала формулу *filioque* – об исхождении Святого Духа “от Отца и Сына”, принятую Западной Церковью, и Константинопольский собор отлучил Папу Римского от церкви как еретика именно за эту формулу ещё в 867 году. Условна и дата унии, ибо о ней мечтал и готовил её ещё Мануил Комнин в 1160-е годы. А второй раз уния с Римом была подписана в 1439 году, незадолго до окончательного его падения.

Византия провела под приглядом римских пап, которые, однако, пальцем не пошевелили, чтобы спасти её от турецкого ятагана. Жертва оказалась напрасной. Духовная смерть (новая, ещё более полная уния) недаром предварила физический конец империи. Нравственная гниль, как трупные пятна, давно проступала на её теле.

В 394 году Феодосий Великий, родом из Испании, провозгласил христианство единственной религией всей Римской империи. С тех пор многое можно припомнить относительно болезней религиозного роста Византии: взять хотя бы драки ревнителей христианства с не вполне христианизированными жителями Константинополя при Иоанне Златоусте! Как пишет один из лучших современных византологов С. Б. Дашков: “Вообще история Византии, особенно ранней, богата волнениями именно на религиозной почве. К началу V в. Константинополь насчитывал от трехсот до пятисот тысяч жителей, и почти половина из них были христиане. Различия в направлениях веры, недовольство существующими порядками, религиозная нетерпимость и борьба на этом фоне столичных политических группировок приводили к тому, что богословские разногласия часто выливались в настоящие побоища, результатами которых пользовались демагоги”*. С Юстиниана Второго (669–711), массово сжигавшего еретиков, особенно армянских монофизитов, берёт своё начало этот милый обычай. Михаил Первый, умерший в 844 году, вообще объявил смертную казнь всем еретикам без разбора.

Но это всё были пустяки и цветочки по сравнению с тем, что началось в VIII–IX вв. Избавляя читателей от массы несимпатичных подробностей, кратко остановлюсь на истории иконоборчества – наиболее яркой странице “духовных исканий” Византии.

Истоки иконоборчества лежат в сосуществовании в ареале Византии трех авраамических религий, из которых две – иудаизм и мусульманство – отвергают всякое идолопоклонство. Под запрет попадают, естественно, любые изображения богов, неважно, языческих или нет. Влияние этой идеи, опирающейся на прямой запрет “сотворять кумиры”, содержащийся в обязательном и для христиан декалоге Моисея, охватило не только византийские диоцезы, непосредственно населённые мусульманами и евреями или граничащие с мусульманами – арабами и персами, – но и проникло глубоко во все слои византийского общества.

Дело не ограничивается тем, что императоры стремились устранить провоцирующий, раздражающий момент в отношениях с иудейским и мусульманским миром, уничтожить все преграды, камни преткновения, мешающие укрепить там своё влияние. Ревность о “правильном христианстве” расколола византийское общество сверху донизу. При этом фактор многонациональности проявился весьма чётко и напрямую сказался на церковном расколе (как сказался и на русском расколе, если принять во внимание фактор мордовского происхождения патриарха Никона и греческого – братьев Лихудов).

Ещё император Филиппик (армянин по имени Вардан), которого называли “сарацински мудрствующим”, намеревался в 713 году издать закон против почитания икон, но не успел. Впервые почитание икон было официально запрещено в 730 году императором Львом III Исавром** (были уничтожены многие тысячи икон, фресок, мозаик, статуй и алтарей), впоследствии иконоборчество было активно поддержано Львом IV Хазаром, наконец, оно, после временной отмены, снова было возобновлено в 813 году Львом V Армянином. Не имея возможности подробно анализировать здесь этническую базу конфликта, я призываю читателя обратить внимание на прозвища-этнонимы главных акторов иконоборчества – они о многом говорят. Как прямо пишет Дашков о Льве Исавре, в утверждении иконоборчества свою роль сыграло, “прежде всего, его восточное происхождение (иерархи Малой Азии ещё в 724 году открыто выступили против почитания икон, которого, кстати, христианство первых веков не знало)... Противники Льва III упрекали его ещё и в “сарацинолюбии” – чрезмерном увлечении арабской культурой – и вни-

* Дашков С. Б. Императоры Византии. М., “Красная площадь”, 1996. С. 28–29.

** Исавры – воинственный народ Малой Азии, языковая принадлежность их не известна; Лев Гумилёв считал их потомками киликийских пиратов. Они были завоеваны Римом в войне с Персией, частично переселены во Фракию. Исаврийская династия правила в Константинополе с 717 по 802 годы, основные эпизоды иконоборчества развернулись при ней.

мании к доводам мусульман и иудеев против "идолов", что не помешало ему в 723 году издать эдикт о насильственном крещении иудеев и монтеанов.

Традиция иконописи вообще сформировалась в христианстве довольно поздно, только к VI веку (хотя первым иконописцем принято считать евангелиста Луку, родом грека, написавшего портрет Божьей Матери), и уже в ранние века вызывала протест у таких видных богословов, как Евсевий Кесарийский, Епифаний Кипрский, Севир Антиохийский и многих других. Однако государственный запрет на иконопочитание привёл к разделению византийского согражданства на иконодулов и иконоклястов, по стране покатались восстания, в Греции и на островах Эгейского моря поднявшееся население провозгласило своего императора, годом позже восстала Равенна, против Льва Исавра выступил Римский Папа Григорий II, Латеранский собор 731 года осудил иконоборчество, в ответ на что Лев перевёл римские епархии на своей территории под юрисдикцию Константинопольского Патриарха...

Лев Исавр умер, успев женить своего сына Константина Копронима ("Говноименного") на дочери хазарского кагана. Дальнейшие гонения на иконы связаны с этим персонажем (созванный им в 754 году собор объявил еретиками всех "древо- и костепоклонников"). Копроним разрушил множество столичных и провинциальных монастырей, отобрал у них земли, расстриг и отдал в руки палачей тысячи "мраконосителей" (монахов). Однако иконоборческое духовенство, а оно также было значительным, император не трогал. Не преследовал он и многочисленные ереси, к примеру, павликианство. "Последующие массовые кровавые расправы с ними православных монахов, вне всякого сомнения, затмили все казни иконодулов при Копрониме" (Дашков).

Его сын Лев Хазар правил недолго (возможно, был отравлен), но успел в 780 году осудить и сослать многих влиятельных иконопочитателей, а свою жену Ирину, им покровительствовавшую, выслав из дворца за обнаруженные в её спальне две иконы.

Ирина была природной гречанкой из Афин; овдовев, она немедленно занялась восстановлением иконопочитания и провела с этой целью в 787 году Седьмой вселенский собор с участием папских легатов. Уступив на время, под давлением войск стратига Армениака (армянина), престол своему сыну Константину VI, она затем устроила переворот, ослепила (!) сына и вернула себе всю полноту власти, но была свергнута логофетом Никифором (арабом) и кончила свои дни в изгнании на Лесбосе.

Сменив на троне погибших в войнах Никифора, его сына Ставракия и куропалата Рангаве (славянина), к власти в 813 году пришёл Лев V Армянин, который поручил учёному богослову Иоанну Грамматику детально разобраться вопрос об иконопочитании. Грамматик всё взвесил и сделал вывод: поклоняться иконам нельзя. Собор 815 года приговорил: запретить "несогласное с преданием или, ещё вернее, бесполезное производство икон и поклонение им", восстановленное "благодаря женской простоте".

Пришедший на смену Льву Михаил II Травл (фригиец, грубый и невежественный) запретил все дебаты по поводу икон вообще. Поднявший против него восстание Фома Славянин, напротив, был сторонником иконопочитания, но потерпел поражение и после пыток был казнен. Сын Михаила, Феофил, стал последним иконоборческим императором, жестоко преследовал иконопочитателей.

Вдова Феофила, пафлагонянка Феодора восстановила иконопочитание; Патриарх Мефодий в 843 году окончательно отлучил иконоборцев от Церкви.

Эта победа, как подчёркивает Успенский, "знаменует собой преобладание славянских и эллинских элементов над азиатскими". Ведь все императоры-иконоборцы были таковы: исавр, хазарин, армянин, фригиец. За ними стоял соответствующий этнический духовный опыт и предпочтения. А за ними, в свою очередь, — межэтнические противоречия, определяющие обычно всё и вся.

Так закончилось самое знаменитое церковное "нестроение". Впрочем... та же Феодора незамедлительно обратила свой взор на еретиков, в первую очередь, павликиан (ими, в основном, были сирийцы и армяне, то есть опять-таки люди Востока). "В области их поселений на востоке страны отправившись с карательными экспедициями три военачальника... Павликиан жгли, топили, прибавали к столбам. Во имя Православия погибло до ста тысяч человек..." (Дашков). Инквизиторы Германии, Испании и Нидерландов не скоро приблизились к этому рекорду, достигнутому по меркам истории мгновенно.

Не погружаясь в пересказ дальнейших превратностей, могу лишь уверить читателя, что этнический фактор всегда проявлялся здесь в своём решающем значении. К примеру, монофизитство находило поддержку у армян, сирийцев и коптов, богумильство – у болгар и т. д. и т. п. Ведь национальное своеобразие всегда и непременно выражает себя через религию.

Проявлялся этнический фактор и во внутренних распрях. Иногда возникает такое впечатление, что противоестественное постоянное проживание бок о бок разноплеменных масс заряжало всё общество мощнейшим зарядом нетерпимости и агрессии, который только ждал повода, чтобы проявиться взрывом. Как пример можно привести крупнейшее в истории Византии восстание “Ника”, которое началось со схваток венетов и праситов (враждующих “димов” – спортивно-политических партий; обратим внимание, что название одной из них есть этноним), но вылилось в неуправляемый погром города, в ходе которого пострадала и варварская дружина, пытавшаяся навести порядок. Константинополь был сожжён и заполнен трупами, мятежная толпа попыталась сместить Юстиниана и посадить на трон его племянника Ипатия, но была раздвлена ворвавшись с двух сторон служилыми варварскими отрядами Велизария и Мунда... Подобные вспышки агрессии, сопровождавшиеся анархией и погромами, только при Юстиниане повторялись ещё дважды. При Фоке или Иоанне Кантакузине (но не только) вражда партий обретала характер гражданской войны.

Не случайно столичный гарнизон формировался василевсами, как правило, из наёмников-неэллинов: армян, фракийцев, варваров и прочих. Чувство этнической инаковости дополнительно консолидировало этих воинов в чужеродной среде горожан, сплачивая их вокруг своего нанимателя, василевса. Хотя и жители столицы, и наёмники были все в равной мере согражданами Византии.

Итак, всё сказанное помогает осознать очевидное: отсутствие национальной скрепы у Византийской империи не могло быть компенсировано наличием скреп-симулякров: языка и религии. Первичное, изначально не подменяется вторичным, производным. У Второго Рима не было народа-хозяина, этот факт нельзя ни отменить, ни прикрыть каким-либо флером...

Дом без хозяина непрочен и преисполнен скверн.

Злато и булат

Металися смятенные народы...

А. С. Пушкин

Можно задаться вопросом: как же при всех этих внутренних противоречиях, раздорах и нестроениях Византия умудрялась выживать в недружественном окружении и протянула все же целых тысячу сто двадцать три года (если считать от переноса столицы из Рима в Константинополь в 330 году). Почему её никто так долго не мог уничтожить, разорвать, как разорвали Западную Римскую империю?

На это есть несколько ответов.

Во-первых, Византию всё же неоднократно и не без успеха разрывали, отдирая каждый раз немалые куски. Своего максимального размера, как в VI веке, она в дальнейшей своей судьбе уже никогда не достигала. К середине XI века она сократилась практически до Балкан и части Малой Азии, а накануне своего окончательного падения и вовсе не имела ничего, кроме столицы.

Во-вторых, Византии долгое время попросту везло. Её географическое положение позволяло ей, играя на противоречиях могущественных соседей (готов и гуннов, славян и аваров, персов и арабов, русских и болгар*, турок и монголов и т. д.), нейтрализовать за счёт этого непосредственные угрозы своему существованию. Византийцы были искусными дипломатами.

В-третьих... Но тут надо обратиться к военной истории Ромейской империи, которая заслуживает самого пристального внимания. Характерные особенности имперского бытия проявляются в ней очень выпукло.

* Только чудовищный и неоднократный погром Болгарского царства, учинённый русским князем Святославом, позволил Ромейской империи привести болгар, претендовавших на первенство в ней, к покорности, а там и ликвидировать независимое Болгарское царство, включив его в 1018 году в свой состав. Важнейшую в своей истории военную и геополитическую задачу ромей решили русскими руками и русской кровью.

Византия была относительно слаба в военном отношении. Она вполне соответствует поговорке “молодец против овец, а против молодца – сам овца”. Когда Византия оказывалась лицом к лицу с настоящей силой, с истинными воинами, её тут же ждала либо постыдная капитуляция (как перед князем Олегом в 907 году), либо полный разгром (крестоносцы – в 1204 году, турки-османы – в 1453-м). Поражение, которое нанёс в 971 году наш князь Свято-слав *вдесятеро* превосходящим силам ромеев, красноречиво иллюстрирует этот тезис. В чём тут было дело?

Все началось издавна. “По той причине, что граждане постепенно превращались в закрепощённых налогоплательщиков, Константин [Великий] был вынужден брать в армию всё большее и большее число варваров. В римской армии было много скифов, готов и германцев, а при дворе Константина особым влиянием пользовались франки; он был первым императором, который стал делать варваров консулами” (Е. Фёдорова). Вскоре в армии уже было множество отрядов, где служили инородцы, каждый отряд по отдельности: батавы, герулы, кельты, петуланты и проч. Брали инородцев и просто в ряды солдат в разных гарнизонах, даже готов (их пришлось всех перебить, когда готы и аланы подошли к Константинополю в 378 году).

Дальше – больше. Начиная с Юстиниана Первого, умершего в 565 году, армия Византии уже была полностью наёмной, притом состояла в основном из варварских формирований (готы, гунны, гепиды, даже славяне и пр.). У его главного полководца, великого Велизария, была, к примеру, во время сицилийской кампании 535 года армия, состоявшая из 7,5 тыс. наёмников-федератов и 4 тыс. личной (!) дружины.

Племена варваров-наёмников, так называемые “федераты” поставляли Константинополю воинов определённой национальности за жалование, имея племенных командиров-вождей из своей среды. Такие отряды чуть что поднимали мятежи, если бывали затронуты их национальные интересы, например, возникала возможность поставить василевсом своего человека. Всегда не прочь разбить и разграбить врага послабее, они не очень-то упирались, когда дело становилось слишком жарким. Как таких вести в смертный бой? Никогда Византия не могла навести порядок железной рукой, нагнать на все окрестные народы ужас, как это умел делать Рим. Никогда никого не могла победить окончательно, как римляне Карфаген, Грецию, Митридата и т. д. Она не могла себе позволить войну не на жизнь, а на смерть, потому что наёмники так не воюют, и никогда не добивала, не давила отражённого врага.

К чему это вело? К примеру, взяв в 540 году Равенну – столицу державы остготов, – Юстиниан увёл основные войска, так и не раздавив, не поставив на колени противника. Остготы собрались с силами, избрали королём Тотилу, и за пять лет византийцы лишились в Италии всех своих завоеваний, Рим в том числе. Пришлось заново снаряжать невиданную по тем временам армию в 30 тыс. человек, чтобы с большими жертвами вернуть себе чудовищно обезлюдевшую Италию...

Чужая провоцирующая слабость Ромейской империи, её гнилость, неготовность идти до конца, вечно враждебные соседи непрерывно испытывали и кушали её со всех сторон. И – что делать! – Византия, негодная к настоящей войне, предпочитала откупаться или подкупать офицеров противника. Не способным служить в армии и сражаться за свою жизнь и благополучие “гражданам всех сословий оставалось лишь нести на собственных плечах тяжкое бремя налогов, увеличивавшихся год от года” (Дашков). Контроль государства над деятельностью любого производителя или торговца был неслышанно жёстким. Такова была заслуженно жалкая участь “сограждан”, результат многонационального устройства государства. Ну, а “сограждане”, чьи спины были вечно согнуты непосильным бременем податей, пожираемых чужеродной военщиной, мечтали распрямиться и платили “родному государству” всегдашней готовностью к мятежам и переворотам...

При этом получался порочный круг: откупаясь на время от одних врагов, ромеи порождали у других надежды на такое же лёгкое благополучие. Вырваться из круга было невозможно. Император Маврикий, умерший в 585 году, попытался снизить плату наёмникам, но малоазийские войска подняли бунт, а когда он к тому же отказался выкупить пленных у авар, фракийская армия возмутилась и привела на трон Фоку, а Маврикий с сыновьями был убит.

Пытаясь залить пожар вечной войны не кровью, а золотом, Византия от рождения до смерти своей работала на эту самую войну, бесславно и бесплодно истощая внутренние производительные силы... Наиболее яркий пример – правление Юстиниана Великого, считающееся успешным. К его началу в 527 году враги уже были везде: на западе империи – королевства остготов и вандалов, на востоке – сасанидский Иран, на севере – авары, болгары, славяне, в том числе анты, на юге – кочевые арабские племена. За 38 лет правления Юстиниан воевал со всеми, отбивался успешно (благо был свой гениальный полководец Велизарий), но никого не победил и всех врагов оставил в жуткое наследство преемникам. Беспощадно выжимая из населения деньги, он обращал их на армию и подкупы противника. После его смерти государство осталось обескровленным и нищим, с подорванными силами, недосчитывающим многих тысяч убитых сограждан.

Идею Византии выразил однажды василевс Константин Багрянородный, считавший, что государство ромеев противостоит всему остальному миру – миру варваров, в борьбе с которым хороши все средства: золото, обман или оружие. Традиционно предпочтение отдавалось первым двум.

Правда, однажды порочная система была сломана. Это сделал император-армянин Ираклий Первый (575–641) перед лицом смертельной персидской угрозы. В 614 году персы покорили уже всю Сирию, Финикию, Армению, Каппадокию, Палестину, Галатию и Пафлагонию. В 618 году пала Александрия, был взят весь Египет, в Византию начался голод и мор. Тогда Ираклий, выжав деньги даже из церкви, купил мир с аварами. Потом он набрал войска только из греков и армян, не взяв с собой варваров-федератов, и перестроил армию на новый образец. Она отличалась “не только умением, но ещё и высоким духом, твёрдой дисциплиной и, так как состояла почти вся из коренного населения Византии, патриотизмом” (Дашков). Результат: полный разгром персов, овладение их сокровищами. Византия получила огромную контрибуцию, мир и вернула земли*.

Опыт Ираклия был развит Юстинианом вторым, его праправнуком, который по образцу древних римлян стал формировать, во-первых, боевые пограничные соединения из местных крестьян (существовали несколько столетий), а во-вторых, стал после 705 года переходить к формированию ополчения из местных граждан. Принцип фемных войск из крестьян-стратиотов (вместо принципа наёмных войск) со временем стал основой византийской армии и, наряду с греческим огнём, изобретённым в 673 году сирийским архитектором Каллиником, позволил на несколько столетий отсрочить роковой конец империи.

Фемный строй окончательно сложился при Константине Пятом (718–775), когда “стратиотское ополчение стало основной силой армии, мощь и многочисленность которой позволили василевсу вести победоносные войны” (Дашков). Хотя военные победы его отца, Льва Исавра, навсегда остановившего экспансию арабов в Европу, и его самого, надолго сокрушившего болгар, были “уравновешены” жестоким иконоборчеством, ввергшим империю в смуту на сто лет.

Никифор Первый установил своего рода рекрутчину, связав землевладение с воинской службой и круговой порукой. Это также сильно укрепило армию. Никифор второй освободил от налога тяжёлых конников – катафрактов – и даже их слуг и вообще заботился о стратиотах. Ряд выдающихся побед византийцев, в частности, уничтожение независимости болгар, был плодом такой верной политики.

Впрочем, длился этот период не так уж долго, лет четыреста, а система наёмничества никогда нигде не исчезала. Так, в 912 году несколько сот русских дружинников участвовали в походе логофета Имерия на Крит, захваченный арабами. Со временем усиление династов-землевладельцев (протофеодалов) стало разорять и расслаивать сословие стратиотов, подрывая основу имперского войска. К середине X века всё больше стратиотов нищало и переставало выставлять ратников, армия из народной стала превращаться в рыцарскую. А новоявленные феодалы самоорганизовывались в систему вассальной зависимости, ослабляя позиции центральной власти. Иностранные

* Но вскоре все эти земли (да заодно и ослабленный ромеями сасанидский Иран, и Месопотамия) перешли под власть арабов-мусульман, которых радостно встречали не только самаритяне и иудеи, но и монофизиты, ведь раскол среди христиан на несториан, монофизитов и ортодоксов Ромейской империи достиг апогея! Изменил Ираклию и наместник Армении Давид Сааруни... Колосс на глиняных ногах – Византия – снова начал разрушаться.

наёмники вновь начинают играть в армии всё более и более заметную роль. Константин Дука начал экономить на армии, хорошо содержа уже только наёмную рыцарскую гвардию (из Англии после битвы при Гастингсе как раз бежала масса англосаксов, пополнившая ряды гвардейцев и потеснившая русско-варяжскую “этерию”). И Роману Диогену досталась армия в жалком виде, которая не могла ни сдерживать турок на Востоке, ни противодействовать норманнам в Италии. Чрезвычайными усилиями Роман собрал стотысячное войско, но в 1071 году под Манцикертом был разгромлен мусульманами и сам попал в плен, отчасти из-за предательства знати, недовольной его политикой. Кончилось это гражданской войной, сдачей и варварским ослеплением Романа, умершего затем от сепсиса.

Пасынок Романа Михаил VII довёл страну до голода и не платил армии. В результате на имперских землях стали возникать независимые государства, начался распад страны. Появились узурпаторы, против которых Константинополь стал нанимать... турок! И вот уже в 1077 году на бывших ромейских землях Малой Азии возник Иконийский (Румский) султанат.

К началу 1090-х годов положение стало настолько тяжёлым, что Алексей Комнин обратился с отчаянным письмом к западным государствам, умоляя прийти на помощь гибнущей от печенегов и турок (про норманнов он умолчал) Ромейской империи, которая уже была не в состоянии себя защитить сама. Соблазняя христианских правителей рассказами о религиозных сокровищах и “о бесчисленных богатствах и драгоценностях”, накопленных в Константинополе вообще и в храме Св. Софии в частности, он писал: “Мы отдаёмся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью латинян, чем под игом язычников... Мы не можем положиться на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения”.

Император знал, о чём говорил. Ведь это он сам руководил осадой Константинополя и брал его в 1081 году, возглавляя мятеж, и был свидетелем того, как при первой возможности всё мятежное войско бросилось грабить город: “Это была смешанная толпа фракийцев, македонцев, ромеев, варваров. По отношению к соплеменникам они вели себя хуже врагов...” (Иоанн Зонара).

Хронист ошибся: они не были соплеменниками – всего лишь согражданами. И вели себя именно по логике согражданства, когда никто никому не брат. Точно так же после падения Константинополя в 1204 году окрестные крестьяне, скупая за бесценок всё подряд у вырвавшихся из кромешного ада горожан, злорадствовали: “Слава Богу, наконец-то и мы обогатились!”.

Уже при Алексее Первом Комнине ромейское войско было мало боеспособным: катафракты малочисленны, стратиотское ополчение почти ликвидировано, наёмники ненадёжны. Теперь вопрос стоял только о том, кто и когда первым нанесёт Константинополю смертельный удар, кому достанется главный приз. Но в 1095 году был объявлен первый Крестовый поход, и это спасло Византию, поскольку крестоносцы на Востоке нуждались в её поддержке и за это присягали василевсам на верность, участвовали в совместных боевых действиях против “неверных”. Смерть империи оказалась отсрочена. Однако ссора Иоанна Комнина с венецианцами заложила мину замедленного действия под это благополучие...

Комнины, как встарь, начали активно вербовать на военную службу иноземцев. Путешествующий еврей Вениамин из Тудели, наблюдатель с острым умом, писал о ромейской армии Мануила Комнина: “Для войны с турецким султаном они нанимают людей из различных народов, так как у них нет военного мужества: они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления”.

Скажу в этой связи снова и снова, что удивление вызывает та счастливая судьба, которая позволила Византии так долго продержаться, балансируя на лезвии бритвы, ибо внутреннего ресурса, какой даётся национальным единством, племенной спайкой, у неё не было никогда. Политические, дипломатические маневры, обман и подкуп действовали долго и успешно, но рано или поздно должен был настать момент истины.

В 1176 году такой час настал, когда огромная (и многонациональная) армия, с трудом собранная Мануилом Комниным, вся полегла в горном ущелье под стрелами и мечами персов и сельджуков. Дальнейшая гибель державы стала лишь вопросом времени. Устроив в ходе очередного мятежа погром квартала, где жили католики из западных стран, византийцы нажили себе врага там, где раньше искали защиту. Теперь уже, к примеру, Фридрих Бар-

баросса не считал зазорным с боем брать византийские города, продвигаясь на Восток.

А впереди был 1204 год, взятие крестоносцами и венецианцами Константинополя, создание ими своей собственной Латинской империи с центром в бывшей ромейской столице... По сути, настоящий крах Византии произошёл именно в этом году, дальнейшее доживание сокращающейся, как шагреньевая кожа, страны было просто медленным умиранием и тотальной капитуляцией. Ничто не могло спасти изжившую себя, промотавшуюся и растлившуюся наследницу величайшей мировой империи.

На этом можно было бы и остановить свой рассказ, если бы не одно “но”. В результате указанных событий Ромейская империя перестала существовать в 1204 году, а в 1205 году вокруг греческого города Никеи сложилось небольшое, зато мононациональное греческое государство со своим “императором” Фёдором Ласкарисом. Наёмников в никейской армии было очень мало, а её основу составили греческие вотчинники-прониары, получавшие (как потом русские помещики) в управлении наделы на условиях обязательной службы.

И случилось чудо. Греки, несмотря на ничтожные силы, остановили продвижение латинян, подняли народную войну, а вскоре превратили свою страну в сильнейшее греческое государство Малой Азии. Они обратили в бегство превосходящие силы сельджуков, обеспечив мир с ними на тридцать лет. А вскоре и сказочно разбогатели, ведя мудрую экономическую политику. Уже в середине 1230-х годов Иоанн III Дука стал выдавливать католиков с Балкан, овладел Фракией, выстроил сильный флот. Латинская империя крестоносцев неуклонно сокращалась, а Никейская — росла. В 1261 никейский император Михаил Палеолог взял Константинополь и восстановил Византийскую империю (хоть и в скромных масштабах).

Так было наглядно явлено превосходство национального государства над многонациональной империей.

Увы, превратившись, силою вещей, вновь в многонациональную империю, какой и были когда-то, византийцы обрекли себя на повторную, на сей раз уже необратимую гибель. Вновь вместо соплеменников (основы всякой здоровой, жизнеспособной нации) возникло согражданство — национальный симулякр. Первым симптомом неизбежной гибели стала уния 1274 года, следующим — отдача Михаилом VIII своих дочерей за татарских правителей Абагу и Ногая, новым — отлучение всех (!!!) жителей Византии от Церкви за разврат Патриархом Афанасием, далее — союз Иоанна Кантакузина с турками в гражданской войне с Иоанном Палеологом, признание последним сюзеренитета султана Мурада I в 1373 году... В 1439 году в Риме был подписан текст очередной унии, и василевс ромеев коленопреклонённо облобызал руку Папы, но это уже не помогло...

Ну, а окончательно гибель состоялась в ходе турецкого штурма 1453 года (от более раннего падения Византию, как всегда, спас только счастливый случай: “железный хромец” Тимур разгромил и взял в плен султана Баязида).

К тому моменту от империи оставалась, не считая нескольких островов и обезлюдившей Мореи*, одна только запустевшая столица, где проживало всего 35–50 тыс. человек.

Кровавый калейдоскоп

И высились, и падали цари...

А. С. Пушкин

Ромейская империя от первого до последнего дня управлялась императорами. Постичь историю византийских династий значит постичь историю Византии.

Недаром говорят в народе: “Каков поп, таков и приход”, “Рыба гниёт с головы”... Историю византийских императоров, претендентов и узурпаторов, их борьбы за власть, восхождений на престол и падений нельзя читать без дрожи омерзения. На страницах этой истории справляют свой триумф невежество, алчность, коварство, похоть, предательство, жестокость, бесстыжая демагогия и прочие пороки всех сортов. Жизнь двора, вообще высших кругов

* Т. н. “Трапезундская империя”, практически независимая от Византии, отделённая от Константинополя Иконийским султанатом и являющаяся подданной Османов, в счёт идти не может.

общества соответствовала семье. А жизнь всей страны просто-таки стояла на том*, порождая и поддерживая саму систему до последнего дня, до могилы.

Почему?

Некогда республиканская идея вознесла Первый Рим на высоту господства над миром. Её падение, начавшееся ещё в конце старой эры, достигло своего дна во Втором Риме, найдя самое совершенное воплощение в идее священного и богохранимого самодержавия. В наследство от императорского Рима эпохи упадка Римской империи досталась своеобразная “демократическая монархия” в самом худшем виде: система выборных императоров. То есть строй, противостоящий принципам не столько аристократии или республики, сколько меритократии, в результате чего кто только и как только не возносился на верх государства!

Династический принцип передачи власти по наследству оформился лишь в последние часы Византии. Когда, как отмечают историки, “под впечатлением событий, имевших место после брака Зои с Романом III, среди знати склонность захватывать корону превратилась в настоящую эпидемию” (Герцберг). Таков был закономерный конец института выборных императоров — “демократической монархии”. В борьбе за трон претенденты не раз приводили на родину внешнего врага или делали её заложницей своих распрей**.

Но до этого в ней господствовали позднеримские порядки, когда в результате действия “социальных лифтов” на троне мог оказаться любой. Как писал по этому поводу в XIII веке Никита Хониат: “Были люди, которые вчера или, словом сказать, недавно грызли жёлуди и ещё жевали во рту понтийскую свинину [то есть дешёвое мясо дельфинов], а теперь совершенно открыто изъясляли свои виды и претензии на царское достоинство, устремляя на него свои бесстыжие глаза, и употребляли в качестве сватов или, лучше, сводников продажных и раболепствующих чреву общественных крикунов... О знаменитая римская держава, предумь завистливого удивления и благоговейного почтения всех народов, — кто не овладевал тобою насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Кого ты не заключала в свои объятия, с кем не разделяла ложа, кому не отдавалась и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемою и не обувала затем в красные сандалии?”

Воля простонародья проявлялась в этом очень часто. Более того: перед нами своего рода “византийская мечта”. Характерно пишет Константин Багрянородный в оправдание возвышения своего родоначальника, Василия Македонянина: “Случилось такое по мольбам людей вельможных и простого народа, а также войска и военачальников, и всех жителей всех земель, и всех городов державы. Ибо все они молились, чтобы пришёл к власти человек, вкусивший низкой судьбы, который бы знал, как мнут бока беднякам сильные мира сего, как безо всякого на то права обируют их, как восстают смиренные и попадают в рабство к своим соплеменникам, а всего этого хватало в царствие Михаила” (благодетелю Михаилу, возвысившему Василия, кстати, отрубили руки и зарезали его при кровавом воцарении деда писателя).

Таких вот “вкусивших низкой судьбы” немало в истории византийских династий.

Не менее часто трон делался залогом национальных отношений в империи. Исаврийская, Сирийская, Македонская, Армянская, Фракийская, Иллирийская династии сменяли друг друга, временами открывая дорогу к власти арабам, грекам, славянам... Одноплеменная избраннику знать, соответственно, каждый раз “перетягивала одеяло” на себя.

Здесь мне прилично умолкнуть, и пусть за меня доскажет простой перечень восточно-римских василевсов и претендентов на престол. Да пошлёт небо выдержку читателям при этом отвратительном чтении!

Аркадий, сын Феодосия Великого, умер сам. Вестгот Гайна поднял в 399 году мятеж, был разбит, ему отрезали голову. Феодосий II умер сам. Маркиан, простой воин, был неграмотен и необразован, его отравили. Лев I,

* Хронист X века Лев Диакон так заклеил это свойство ромеев: “Тогда было в обычае проявлять чрезмерную радость по время переворотов — людей прельщали надежды на призрачную славу, почётные звания и раздача денег”.

** Яркий пример: стремясь помешать захвату власти Романом Лакапином, военачальник Лев Фока во время ожесточённой войны с болгарями бросил своё войско и помчался к Константинополю. Сам он был разбит и ослеплён, а царь болгар Симеон, разгромив брошенное на произвол судьбы войско ромеев и дойдя в 912 году до Константинополя, добился независимости своего царства и объявления себя кесарем.

фракийцев, в молодости был мясником. Посажен на трон варваром патрикием Аспаром. Умер сам. В 475 году произошёл мятеж вдовы Льва I Верины и её брата Василиска. Василиск, узурпатор, был разбит и уморен голодом в крепости. В 479 году восстал Маркиан, зять Льва I. Он был пострижен в монахи и заточён. В 480 году магистр Илл взбунтовал сирийские легионы, Леонтий Сириец был провозглашён императором, в 482 году восстание перекинулось в Египет, но в 484 году Илл и Леонтий были разбиты, их головы на пиках выставлены на ипподроме. Однако разбивший их остгот Теодорих, консул того года, взбунтовался сам, его уговорили идти на Рим. Лев II, по слухам, был отравлен своим отцом Зиномом. Зинон Исаврянин то ли умер от эпилепсии, то ли был похоронен мертвецки пьяным, несмотря на его крики. Анастасий Дикор, иллириец, умер сам. В 493 году Лонгин, брат Зинона, пытался, опираясь на исавров, осуществить переворот, но был разбит и пострижен в монахи. В 513 году произошло крупнейшее восстание Виталиана, заручившегося поддержкой болгар и славян, а также федератов придунайских областей. Он объявил себя защитником православной веры против императора-монофизита Анастасия, но был разбит в 515 году, а в 520-м погиб после покушения на него. Юстин I, сын бедных иллирийских крестьян, умер сам. Юстиниан I Великий, племянник Юстина, иллириец, возможно славянин, тоже умер сам. Феодора, вдова Юстиниана, родилась в Сирии, отец её – смотритель медведей в цирке, сестра – проститутка, сама Феодора – гимнастка и мим, также торговала собой (о её распутстве ярко написал Прокопий Кесарийский). Ради неё Юстиниан уговорил царствующего дядю издать указ, разрешивший сенаторам заключать браки с бывшими актрисами и проститутками. Детей от Юстиниана у неё не было, умерла сама. Простой воин Стоца поднял войско и в 545 году был убит в бою. Ипатий, племянник Юстиниана, насильно посаженный на трон обезумевшей толпой, был обезглавлен. Юстин был “превентивно” обезглавлен двоюродным братом Юстином II, который вдвоём с супругой в припадке иступления ещё и попилал отрезанную голову ногами. Юстин II, племянник Юстиниана, от военных и прочих неудач повредился умом, а потом обезножел, но умер сам. София, двоюродная сестра и жена Юстина II, посадила на трон пасынка Тиверия, которого домогалась без успеха. Была низложена и умерла сама под домашним арестом. Тиверий II, фракийец, умер сам. Маврикий, зять Тиверия, армянин. Он вывел из-под власти персов и поселил на Крите 10 тысяч армян (вот критяне были рады!). Был убит в ходе мятежа фракийских войск вместе с пятью сыновьями, головы всех были отрезаны и выставлены на позор. Фока, фракийский сотник низкого происхождения, низкорослый, рыжий, с густой бородой и обезображенным шрамом лицом, был посажен на трон мятежной армией фракийцев. В ходе нового мятежа южных провинций от Египта до Карфагена ему отрубили руку и голову, тело сожгли. Ираклий I, каппадокийский армянин, умер сам. Константин III, сын Ираклия, правил всего сто дней, возможно, был отравлен мачехой. Ираклеон, сын Ираклия от Мартины, племянницы. Ему отрезали нос, и он умер в ссылке, возможно, был убит. Константин II перенёс, покинув Константинополь и ограбив Рим, столицу империи в Сиракузы, на Сицилию. Он был оглушён шайкой в бане и захлебнулся. Валентин Аршакуни правил как регент от лица Константа II, опираясь на армянскую знать и был растерзан восставшими горожанами. После смерти Константа II в Сиракузах провозглашён императором армянин Мизизий, но переворот не удался, он был казнён. Константин IV умер сам. Ираклий и Тиверий, младшие братья-близнецы Константина IV. Малоазиатские войска потребовали их равного участия в правлении по примеру Св. Троицы. Тогда кесарь их помиловал, но в 681 году, когда они сами потребовали того же, отрезал им носы и лишил титулов. Юстиниан II Ринотмет, праправнук Ираклия, в 695 году после военных неудач был смещён полководцем Леонтием, ему отрезали нос и сослали в Херсонес Таврический. Заключив союз с хазарским каганом и женившись на его сестре, Ринотмет, избегая предательства и убийства, бежал к болгарам и летом 705 года привёл войско болгар и славян под стены Константинополя. Он вернул себе трон, дал титул кесаря болгарскому хану Тервелю, жестоко расправился с врагами, но в ходе мятежа Филиппика-Вардана был обезглавлен, его голову носили на пике и отослали в Рим...

Вот такая благодать эта Византия.

Свою горькую судьбу она выслужила сама.

– Россия должна стать, как Византия, – говорят нам порой “доброжелатели”.

– Не дай Бог! – отвечаю я.

Отчего погибла Византия?

Византия погибла от собственной многонациональности и мультикультурности. Вот прямой и непреложный ответ на вопрос об уроках этой империи для нас, русских. Это совершенно ясно и понятно.

Рецепт долголетия этноса, в общем, достаточно прост и хорошо известен: 1) эндогамные браки; 2) жёсткое семейно-брачно-сексуальное законодательство с запретом на все девиации; 3) своя племенная (национальная) религия; 4) своя племенная власть даже под оккупацией, даже на чужбине, в гетто, в плену; 5) вообще своя племенная элита всех видов – от административной и воинской до интеллектуальной и художественной. Плюс ещё несколько пунктов, о которых здесь не стоит распространяться.

Ничего этого не было у сограждан Ромейской империи. Византийцы никогда не были ни этносом, ни, соответственно, нацией – и стать ею не смогли, так и оставшись всего лишь согражданством с вытекающими из этого факта последствиями: внутренней нестабильностью и слабой защищённостью перед лицом внешних угроз.

Спору нет, Византия была многим хороша, особенно с точки зрения малых и средних этносов*. Но век её был лишь 1123 года. Если мы и впрямь – как она, то нам уже пора собираться в гроб. Поскольку наша государственность, если считать с 862 года – от Рюрика, – насчитывает 1150 лет.

Есть единственный способ избежать этого: преобразоваться в русское национальное государство. Только так мы сможем продлить своё существование, по крайней мере, на столетия, а если действовать с умом, то и на тысячелетия.

Ставка на империю – гибельна. Ибо тогда нужно смириться со смертью нации, а с нею, неизбежно, – и государства. Но если умирать прежде времени неохота, то надо ставить на русский народ, возрождать его к новой жизни. Нам нужно не российское согражданство, а полноценная русская нация. Только она сможет спасти страну от распада и гибели.

Иного не дано.

Византийский опыт приветствуют и проповедуют, главным образом, православные клерикалы, и то не все, а те, что ставят религиозное единство выше национального. Не понимая при этом, что только второе способно дать основу для первого. И забывая, чем в действительности была религиозная жизнь Византии.

Легко видеть, что история русского этноса и история России, к счастью, не имеют ничего общего с историей Византии. У нас есть главное, существеннейшее отличие: государствообразующий народ – русские. Поэтому любые попытки проводить параллель и выводить для нас некий императив из византийского опыта, брать пример с Византии – несостоятельны и вредны для нас. А вот оценивать угрозы и вызовы, стоящие перед нами, с точки зрения плачевного византийского опыта можно и нужно. Я постарался сделать это, как умел. *Sapienti sat.*

Что такое двенадцать веков?! Государство–“долгожитель” с таким возрастом – это пустяк. А вот этносы–долгожители (индоарии, китайцы, евреи живут гораздо дольше) – возрастом в разы больше – это предмет для размышлений, зависти, изучения и перенимания опыта. Какая нам радость, если русские исчезнут, утратят или сменят идентичность, а государство с именем “Россия” будет процветать?

Пример евреев учит: этнос, если он сохраняет себя в веках, рано или поздно сможет восстановить, вернуть даже свою утраченную государственность. Вот стоит же себе Израиль! Но никогда и никакой Византии мы уже не увидим, поскольку некому её возрождать: нет тех ромеев (нынешние греки – не ромеи, а уж тем более не эллины!).

Итак, ясно поймём и скажем себе: нам нужен русский этнос, а русский этнос – долгожитель, поддерживающий своё государство. Противопоставлять русских и Россию, как это порой, увы, делается, – ложный, ошибочный путь.

Но приоритеты должны быть расставлены чётко и бескомпромиссно: вначале – русская нация, а русское государство – потом.

Телега не должна ехать впереди лошади.

* Не случайно наиболее активно пропагандируют византийский опыт в России сегодня такие историки, как А. Малер, В. Махнач и др.